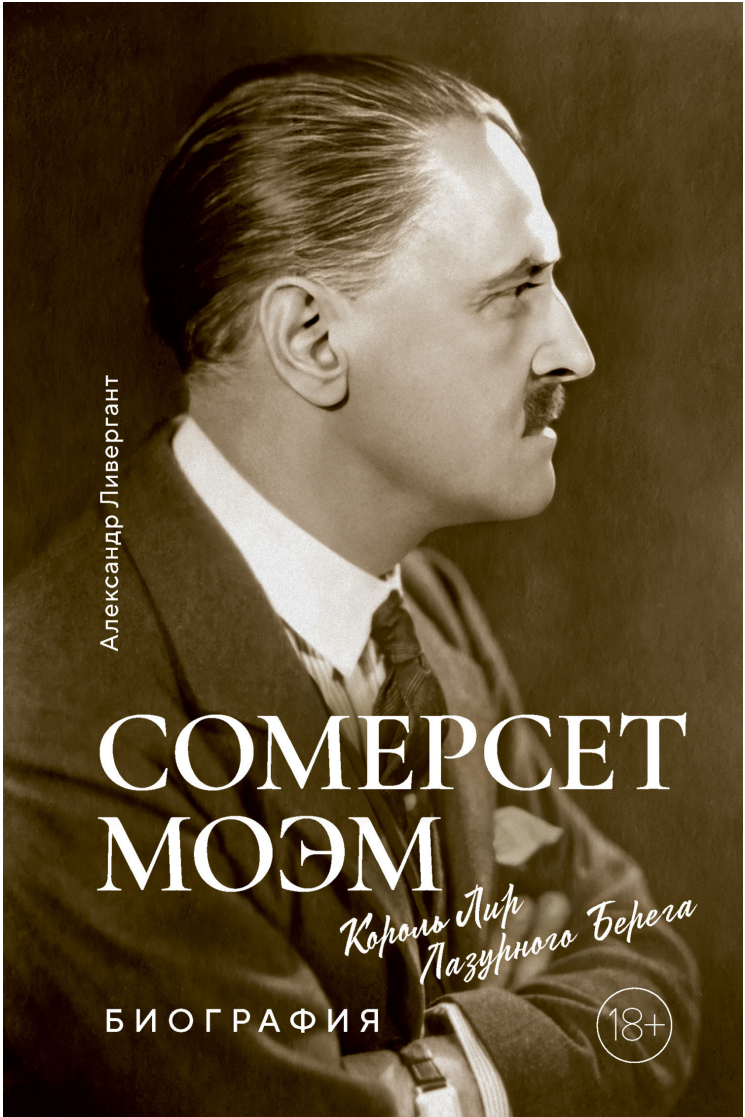

Александр Ливергант
СОМЕРСЕТ МОЭМ
Король Лир Лазурного Берега
БИОГРАФИЯ
18+

Александр Ливергант

Сомерсет Моэм. Король Лир Лазурного Берега

Серия «Персона (Азбука-Аттикус, КоЛибри)»

Текст предоставлен правообладателем
https://litres.ru/70773847
Сомерсет Моэм. Король Лир Лазурного Берега. биография: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2024
ISBN 978-5-389-26011-5

Аннотация

<p>Герой этой книги был одним из самых талантливых и преуспевающих английских писателей XX века. Хотя жизнь он вел вполне упорядоченную и даже размеренную, она оказалась яркой и насыщенной, в ней было много всего – любви и ненависти, друзей и врагов, встреч и путешествий, но самое главное – много творчества. Про таких, как он, говорят – self-made man – человек, который сделал себя сам. Прежде чем стать писателем, Моэм работал врачом, участвовал в Первой мировой войне, а снискав славу на литературном поприще, попробовал себя в роли агента британской разведки, и в этом качестве ему удалось побывать в России в самый разгар революционных событий 1917 года.

Пьесы Сомерсета Моэма не сходят с театральных подмостков и в наши дни, его романы стали классикой. В приложении к биографии знаменитого писателя представлены его путевые очерки, переведенные автором книги.</p>

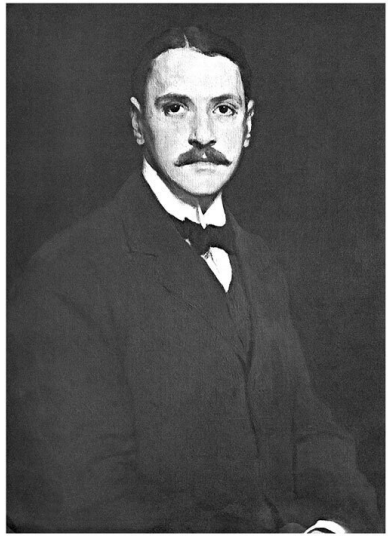
Содержание

Вместо предисловия 12
1 18
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Ливергант А. Сомерсет Моэм. Король Лир Лазурного Берега. биография

© Ливергант А.Я., текст, 2024
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
КоЛибри®

* * *



W. Somerset Maugham



Александр Ливергант

СОМЕРСЕТ МОЭМ

Король Лир Лазурного Берега

БИОГРАФИЯ

КоЛибри
МОСКВА

«Когда в „Таймс“ наконец-то напечатают мой некролог и кто-нибудь скажет: „Надо же, я думал, он давным-давно умер“, – мой призрак преехидно захихикает».

Сомерсет Моэм.
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

«Я неудачник… Каких только ошибок я не совершал в жизни! Жизнь у меня получилась никудышная, у меня все валилось из рук…

Те немногие, кто хорошо меня знал, в конце концов начинали меня ненавидеть».

Сомерсет Моэм.
ИЗ БЕСЕДЫ С РОБИНОМ МОЭМОМ

Вместо предисловия

В лондонской галерее Тейт висит запоминающийся портрет. На ярко-желтом фоне изображен сидящий на плетеном табурете пожилой человек. Сидит, положив ногу на ногу, руки сложены, как у первоклассника, спина прямая, серые отглаженные брюки со стрелкой, бежевый пиджак, бежевые – в тон пиджаку – носки, желтые, чуть светлее яичного фона, мокасины, на шее – заправленный в пиджак длинный, почему-то красный шарф. Уголки тонких губ презрительно опущены, длинный, вислый нос, дряблые щеки, тяжелая челюсть, иронический, всеведущий взгляд карих глаз. «Уж я-то вам цену знаю!» – словно хочет сказать этот устремленный поверх зрителя скептический, больше того – брезгливый, недоверчивый взгляд.

Написан портрет пейзажистом, мастером религиозных композиций, а в поздние годы и известным портретистом (этот портрет в его послужном списке едва ли не первый) англичанином Грэмом Сазерлендом. Человек на портрете – тоже англичанин, прославленный писатель, один из самых чтимых, читаемых и высокооплачиваемых в двадцатом столетии английских прозаиков, драматургов, новеллистов и очеркистов Уильям Сомерсет Моэм.

Писался портрет на юге Франции, на вилле Моэма, с 17 февраля до июня 1949 года; Моэм позировал художнику де-

сять сеансов, по часу в день. Сазерленду тогда было сорок шесть лет. Моэму – семьдесят пять. Сам Сазерленд, сославшись на то, что для него это едва ли не первый опыт портретной живописи, согласился писать портрет живого классика только при условии, что к нему не будет претензий. Он же самокритично и не без яда заметил впоследствии, что Моэм на портрете похож на содержательницу публичного дома в Шанхае. Приписывают биографы это сравнение и старому приятелю Моэма, тогдашнему президенту Королевской академии художеств Джералду Келли, который якобы сказал о портрете друга примерно то же самое: «Подумать только, Уилли я знаю с 1902 года, однако только сейчас понял, что, загримировавшись под содержательницу китайского публичного дома, он держал бордель в Шанхае».

И тем не менее писатель остался своим изображением доволен. В отличие, кстати, от своего друга Уинстона Черчилля, который терпеть не мог свой портрет кисти Сазерленда, написанный к восьмидесятилетию знаменитого политика. Терпеть не мог и нисколько не скрывал этого. И это при том, что он сам заказал Сазерленду эту работу; портрет Моэма ему понравился. «Вылитый Уилли», – похвалил художника Черчилль. Заметим, кстати, что, помимо изображений Черчилля и Моэма, кисти Сазерленда принадлежат также портреты таких известных людей, как Елена Рубинштейн, Конрад Аденауэр, лорд Бивербрук.

Уже спустя два года, в 1951 году, портрет Моэма переко-

чевал из его виллы на Лазурном Берегу в лондонский дом его дочери, которая по договоренности с отцом передала картину в галерею Тейт. Портрет же Черчилля в исполнении Сазерленда был с помпой выставлен в Вестминстер-холле 30 ноября 1954 года, и между старыми друзьями, Черчиллем и Сомерсетом Моэмом, состоялся любопытный и, как всегда, не лишенный остроумия обмен репликами.

Черчилль: Нет, мне мой портрет решительно не нравится.

Моэм: Чем же?

Черчилль: Вид у меня на портрете какой-то неблагородный.

Моэм: Так какой же у вас в таком случае вид?

Черчилль: Как будто у меня запор.

Моэм рассмеялся – вид у политика на портрете и действительно был очень напряженный, один из критиков пошутил примерно так же, как и Черчилль: дескать, выглядит премьер-министр на портрете так, будто у него прострел. Впоследствии, однако, писатель не раз говорил, что образ Черчилля Сазерленд уловил очень точно. «То, как написал меня Грэм Сазерленд, мне на самом деле понравилось не слишком, – поменял по прошествии времени свою точку зрения Моэм, – а вот образ Черчилля он уловил превосходно».

А дело все в том, что есть два вида портретистов, на что однажды обратил внимание и Моэм, отлично разбиравшийся в живописи. Для одних в первую очередь важна модель, а уж потом они сами; другие же ставят на первое место се-

бя, а модель на второе, в результате чего на холсте отражается не столько личность портретируемого, сколько индивидуальность портретиста. Так вот, Грэм Сазерленд относился ко второй категории живописцев – на первое место он ставил себя. И это при том, что однажды он заявил: «Я должен поглощать всех, кто мне позирует, как промокательная бумага, и быть бдителен, как кошка». Неудивительно поэтому, что когда жена Черчилля Клементина спустя полтора года сожгла, не делая из этого большого секрета, «непотребный» портрет обожаемого мужа, Сазерленд поспешил назвать это актом вандализма.

А вот портрет Моэма, по всей видимости, и в самом деле удался; во всяком случае, своим изображением остался доволен не только автор «Пирогов и пива» и «Театра».

«Невозможно было представить себе, что человек с таким лицом разразится громким, заразительным смехом – в лучшем случае он мог бы выдавить из себя едва заметную ироническую улыбку» – так, описывая в рассказе «За кулисами» внешность британского посла сэра Герберта Уизерспуна, Моэм – едва ли это сознавая – описал самого себя на портрете Грэма Сазерленда.

Словно предвидя крайне негативную реакцию Черчилля, Сазерленд однажды заметил: «Лишь те, кто не слишком любит свою внешность, кто хорошо разбирается в живописи, или же те, кто по-настоящему хорошо воспитан, способны скрыть тот ужас и даже отвращение, какие они испытают,

впервые увидев на холсте свое в меру правдивое изображение».

Насколько правдивым было застывшее, брезгливое и разочарованное выражение лица семидесятипятилетнего Моэма на портрете Грэма Сазерленда, читатель оценит, прочитав эту книгу.

За свою жизнь Сомерсет Моэм написал несколько автобиографий, однако был решительно против того, чтобы его жизнь описывал кто-то, кроме него самого. Поэтому незадолго до смерти он распорядился не предоставлять биографам газетных статей, рецензий, своих писем, а также писем, присланных ему, равно как и прочих «материалов к биографии», которые Моэм в старости регулярно, часто даже не перечитывая, сжигал в камине. Плохую биографию не станут читать, рассуждал писатель, а хорошую все равно не напишут.

Вот какой показательный диалог состоялся однажды между уже престарелым Моэмом и его «Эккерманом», американским журналистом и кинорежиссером Гарсоном Канином.

Канин: Бумаги, которые вы сжигаете, очень бы пригодились будущему биографу.

Моэм: Биографов не будет. И биографий тоже.

Канин: Никогда?

Моэм: Никогда.

Канин: Не можете же вы помешать автору написать вашу биографию!

Моэм: Но и помогать не стану. Ни я, ни мои кости.

1
«Во Франции… это устроено лучше»[1]

С этим весьма непатриотичным утверждением, с которого начинается «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна, где автор издевается над спесью, желчью и капризами английских путевых очеркистов, десятилетний Уилли наверняка бы согласился.

И девяностолетний всемирно знаменитый писатель Уильям Сомерсет Моэм – тоже. Любовь к Франции Моэм пронес через всю жизнь. Во время Второй мировой войны, находясь в Америке, вдали от любимого Лазурного Берега, где писатель проживет в общей сложности без малого сорок лет, он читал по вечерам французские романы и признавался Гарсону Канину, что очень по Франции скучает: «Читаю по-французски и словно в нее возвращаюсь – хотя бы в уме…»

Десятилетнему Уилли жилось в Париже лучше некуда. Разве можно было жизнь мальчика во Франции сравнить с жизнью на родине?

Во Франции зимой он жил в Фобур-Сент-Оноре, одном из лучших, престижных, как сказали бы теперь, районов Пари-

[1] Перевод А. Франковского.

жа, в нескольких минутах ходьбы от находившегося на Елисейских Полях британского посольства, бывшей виллы Боргезе, некогда, до 1814 года, принадлежавшей сестре Наполеона Полине. Поражала воображение и родительская квартира на авеню Д'Антен: старинная мебель, книги в сафьяновых переплетах, бильярдная, в гостиной гравюры Гюстава Доре, танагрские статуэтки в нишах, родосские вазы, на стенах дорогие ковры и турецкие кинжалы, приобретенные отцом во время путешествий по Турции, Греции, Малой Азии; французские слуги, английская гувернантка. По журфиксам квартира на авеню Д'Антен превращалась в модный артистический и литературный салон, который держала миссис Моэм и в котором бывали, по некоторым сведениям, такие знаменитости, как будущий премьер Клемансо, а также Проспер Мериме и Гюстав Доре. А летом Моэмы жили или под Парижем, неподалеку от Булонского леса, в Сюрен, где отец Уилли задумал построить (и построил – успел до смерти) загородный дом по собственному проекту, нечто вроде швейцарского шале, на горе с видом на Париж и Сену. Или – на нормандском морском курорте Довиль, который в те времена был обыкновенной рыбацкой деревушкой и который мы знаем по маринистским пейзажам барбизонца Эжена Будена. Один такой пейзаж Моэм приобрел лет шестьдесят спустя из ностальгических, надо полагать, соображений. Отец Уилли снимал в Довиле дом, чтобы жена и сыновья дышали летом свежим морским воздухом, сам же приезжал к ним

лишь на выходные. Что до Будена, то прославился он много позже; тогда же, вспоминал потом Моэм, по пляжу бродил немолодой, бедно одетый художник, который рисовал на картоне небольшие портреты дам в модных платьях и продавал их по пять франков за штуку. Купленный Моэмом в середине тридцатых годов пейзаж Будена обошелся писателю, надо думать, несколько дороже.

В Англии же, после смерти родителей, мальчик жил в мрачноватом и пустоватом, неуютном, заросшем плющом доме викария, в заштатном приморском городке Уитстейбл, в шести милях от Кентербери, в графстве Кент.

Во Франции он был окружен любовью родителей и преданной няни-француженки, с которой жил в одной комнате (к матери Уилли допускался лишь в утренние часы, и ненадолго, или же вечером, когда он, бывало, выразительно читал в присутствии гостей басни Лафонтена). Няня водила его гулять на Елисейские Поля и выучила говорить по-французски раньше, чем он научился изъясняться на своем родном языке.

В Англии же рано умерших родителей заменила немолодая бездетная чета – младший брат отца, викарий, и его жена. В эти годы в жизни Уилли разыгрывается типично диккенсовский сюжет: сирота испытывает лишения в доме черствого и прижимистого опекуна. Дядя с теткой, в отличие от родителей, людьми были довольно заурядными, скучноватыми и, прямо скажем, скуповатыми: вынудили, к при-

меру, вернуться во Францию любимую няню мальчика, сочтя ее пребывание в Уитстейбле «неоправданным расточительством». И «скуповатыми» – еще мягко сказано: про жадность викария ходили легенды. Он часто не брал с собой из экономии жену за границу, куда регулярно ездил поправить пошатнувшееся здоровье. Экономил на угле и воде: печь в прихожей топилась только в очень плохую погоду или когда викарий был простужен; ванной же комнаты в доме дядюшки в принципе предусмотрено не было; подписку на столичную «Таймс» священник делил с еще двумя соседями, а однажды – такого и у Диккенса-то не встретишь! – за завтраком он надрезал ножом верхушку крутого яйца и «угостил» ею племянника, сам же прямо у него на глазах съел все остальное.

Да, первые десять лет долгой жизни Уильяма Сомерсета Моэма сложились куда безмятежнее и счастливее, чем вторые. Хорошо жилось в эти – французские – годы и его родителям, и это несмотря на Парижскую коммуну и войну с Пруссией. «В какой-то момент, – вспоминал старший брат Уилли Фредерик, – на стене в гостиной появилась огромная карта Франции с воткнутыми в нее красными и синими флажками, которые родители время от времени переставляли. Хорошо помню, как наша мать объясняла нам, что, когда флажки, представлявшие германскую армию, дойдут до определенного места на карте, нам всем придется уехать из Парижа в Лондон. Мысль о том, что мы покинем Па-

риж, не могла меня не радовать: наши слуги-французы успели внушить нам ужас и отвращение к *les sales Allemands*[2]». И действительно, когда немцы, одержав решающую победу под Седаном, вплотную приблизились к Парижу, Моэмы вместе с детьми ретировались в Лондон, вывесив на всякий случай на балконе своей квартиры британский флаг; про расстрелы коммунаров и бедствия парижан они узнавали из английских газет и благополучно вернулись во французскую столицу, когда страсти улеглись. Для них, юрисконсульта британского посольства во Франции Роберта Ормонда Моэма и его красавицы жены Эдит Моэм, урожденной Эдит Снелл, Франция «была устроена» лучше некуда.

Двадцать пятого января 1874 года Эдит Моэм, которая была моложе мужа на шестнадцать лет, родила четвертого сына Уильяма Сомерсета – и не где-нибудь, а на территории британского посольства. Родись мальчик в обыкновенном парижском роддоме – и он мог бы по новым французским законам, принятым во время Франко-прусской войны, «загреметь» как иностранец, родившийся на французской земле, в армию.

Всю жизнь Уилли оставался младшим братом (пятый сын Эдит умер во младенчестве), что, несомненно, отложило отпечаток и на его отношения с тремя старшими братьями, и на отношения с матерью, с которой он был особенно близок

[2] Грязные немцы (фр.).

и потерю которой переживал долго и тяжело; сразу три фотографии Эдит Моэм всю жизнь стояли у изголовья писателя. «Для ребенка нет большего несчастья, – отмечает он в „Записных книжках“ спустя семьдесят пять лет после ее смерти, – чем по-настоящему любящая мать»[3]. В виду здесь имеется боль утраты; иронически этот афоризм звучит лишь при первом, поверхностном прочтении.

От самого старшего брата Чарлза Ормонда, родившегося в 1865 году, Уилли отделяли без малого десять лет. Разница в возрасте со вторым, самым удачливым из младших Моэмов, Фредериком (Фредди) Гербертом, дослужившимся до «степеней известных» лорд-канцлера и пэра Англии, составляла восемь лет. С Генри Невиллом, которого в семье звали Гарри, – шесть. Все три брата стали впоследствии юристами, всем трем Уилли придумал клички. Чарлза за благонравие он называл «святым». Генри, покончившего с собой в возрасте тридцати четырех лет, самого закомплексованного и неудачливого из четырех младших Моэмов, – «занудой», а Фредерика, который к младшему брату-писателю относился снисходительно и которого Уилли недолюбливал и не скрывал этого, – «великим». Сын Фредерика и племянник Сомерсета Моэма, человек ему очень близкий, Робин Моэм, тоже, кстати, писатель, рассказывал, что однажды его всегда сдержанный дядя высказался о старшем «великом» брате не очень сдержанно: «На протяжении своего нескончаемого

[3] Перевод И. Стам.

жизненного пути я повстречал немало гнусных личностей, но более гнусного субъекта, чем твой отец и мой старший брат, не встречал ни разу».

В сентябре 1877 года, когда Уилли было всего четыре года, старших братьев отправили учиться домой в Англию, в Дувр, – еще одна веская причина особой близости младшего сына с матерью, женщиной и в самом деле очень красивой, обаятельной, с ангельскими чертами лица, огромными карими глазами и золотистыми волосами. И очень больной: она, как и ее младшая сестра, умерла от туберкулеза даже по понятиям конца XIX века совсем еще не старой – Эдит Моэм шел всего-навсего сорок первый год.

Родом из Корнуолла, Эдит Снелл была дочерью майора Чарлза Снелла и его жены Анны Алисии Тодд, в чьих жилах текла голубая кровь: родословная матери Эдит восходит к королю Эдуарду I и его жене Элеоноре Кастильской. Майор тянул лямку в Индии, где Эдит в 1840 году и появилась на свет. У родителей Эдит разница в возрасте была столь же велика, как между ней самой и ее мужем, и когда майор пятидесяти лет от роду отдал Богу душу, безутешной вдове было всего-то двадцать четыре.

Анна Алисия, несмотря на свой юный возраст, была, по всей видимости, решительной и предприимчивой женщиной: вернувшись ненадолго в Лондон, а потом переселившись в Париж, вдова на пару с младшей дочерью Розой взялась сочинять романы, да еще на французском языке. Мать

и дочь, никогда раньше не занимавшиеся литературным трудом, стали издавать, и не без успеха, душещипательные детские книжки. Что они душещипательные, видно хотя бы из заглавия одной из них: «Богоматерь всех скорбящих радости, или Монастырская сиротка». Беззащитные сироты – главные действующие лица многих книг миссис Снелл и ее дочери: словно предвидя судьбу младшего внука и внучатого племянника, мать и дочь в основном сочиняли сентиментальные романы про бедных сироток и их черствых, безжалостных опекунов. Таких романов миссис Снелл настрочила в общей сложности дюжину, Роза – вдвое меньше, шесть, и на ту же тему. Племянник Моэма Робин в своих мемуарах рассказывает, что один из своих романов миссис Снелл написала якобы на пари с католическим священником, который заявил, что сочинить «католическую историю», которая бы ему понравилась, она не способна. Такой роман, однако, был написан, одобрен, и незадачливому спорщику пришлось отдать писательнице проигранные сто франков. Не у бабки ли позаимствовал Уилли легкость пера и незаурядный творческий кураж? О решительности и смелости миссис Снелл свидетельствует, между прочим, и тот факт, что во время Франко-прусской войны она, в отличие от Моэмов, не отсиживалась в Англии, а осталась в Париже и трудилась в госпитале для раненых, который сама же и открыла.

А вот мужа Эдит, Роберта Ормонда Моэма, которому, когда Уилли родился, было уже за сорок, красавцем никак

нельзя было назвать: низкорослый, полноватый, при этом огромная голова, густые «котлеты»-бакенбарды, тяжелая челюсть, крупные, грубоватые черты бледного, обрюзгшего, болезненного лица. Злая на язык леди Энглси, американка по происхождению, светская приятельница Эдит, назвала как-то лицо ее мужа пивной кружкой. Будь она русской, пивная кружка превратилась бы, надо думать, в кувшинное рыло. Роберт Ормонд любил сидеть в кресле, откинувшись на спинку, выпятив живот вперед и положив ногу на ногу. Отдыхал он, впрочем, мало, трудился с утра до ночи; неслучайно, вспоминая отца, Моэм говорил: «Он был мне чужим». В том смысле, что мальчик редко его видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.